

Лиля Газизова

Люди февраля

Лиля Газизова

Люди февраля

Москва

«Воймега»

2013

УДК 821.161.1-1 Газизова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Г13

Дизайн серии: Сергей Труханов

Л. Газизова
Г13 Люди февраля. — М.: Воймега, 2013. — 60 с.

ISBN 978-5-7640-0137-1

© Л. Газизова, текст, 2013
© С. Труханов, оформление, 2013
© «Воймега», 2013

Посвящается папе

Канафер

Татарская сирень

Рафилю Бухараеву

Канафер сиреневым зальёт
Две тыщи двенадцатый.
Буду всё видеть
В сиреновом свете —
Радости, сны, заблуждения.
Лиловым станут отливать
Деревья, собаки, книги,
Стихи ненаписанные,
Магниты на холодильнике.
Лишь ты останешься
Белым пятном
В сиреновом настоящем...

Не бить!

Доверчивых надо бить!
Замахнуться сильнее
И ткнуть в живот больно.
Правда, не била я людей.
И не буду.
Рука не поднималась.
И не поднимется.
Но я знаю точно,
Доверчивых надо бить.

Правда и ложь

Правде ложь предпочитаю.
Ведь она говорится словами
Красивыми и тёплыми.

Ложь — это живые цветы.
Ложь быстро вянет.
Правда — сухой стебелёк,
Что от лжи остаётся.

Правда бедным нужна.
Бедным телом или душой.
У меня же красивые щиколотки.

Подруга

Ей снятся тревожные сны.
В них лестницы не имеют перил
И обрываются внезапно...

Не ведаю законов сна и строительства.
Не знаю, как прервать её видения,
Пролёты лестничные достроить.

Точно знаю, одной — ей не справиться.
Кто-то должен быть рядом —
Строитель или ангел...

...Поэтому, наверное, не безмятежны
Утренние улыбки её...

Сююмбике

Люблю ошибки в словах дочери.
Когда говорит:
Продавательница,
А не продавщица.
Цирковщица,
А не циркачка.
Люблю, когда буквы не выговаривает.
Тоскую я:
Отучая от ошибок,
Отучаю от детства.

Плач ребёнка

Я думаю о том, какие мысли
В голове у очень толстого ребёнка
И часто ли ему бывает грустно...

Я думаю, что толстого ребёнка
Намного чаще обижают,
Чем худого.

Ещё я думаю о том,
Что в каждом из нас
Плачет толстый ребёнок.

Настроение

Стать стрелкой на часах
Казанского Кремля.
Клавишей delete
Мирового компьютера.
Дымчатым портсигаром.
Западающей си-бемоль,
Утренним бесцветным мраком,
Всеми собаками мира.
Очками Ehte на родной переносице.
Безвольным сердечным клапаном —
Чем угодно,
Лишь бы не Лилей Газизовой.

* * *

Стала чаще наступать
На лужи поздних сожалений,
Проникаться горем недетским.

И не глупо было думать,
Что папа вечен
И будет звонить мне
Всегда невпопад.
Всегда невпопад.

Лужи разливаются морями.
Буду обходить их стороной
Или просто боты куплю.

Попытка
киносценария

Поэт

Бог создал влюблённым тебя:
В обгрызенные карандаши
И ластик, за холсты закатившийся,
В стареющего трактирщика
И умирающего Сервантеса.
В честные шаги человека,
Несущего хлеб,
В грустные автомобили
И прокисающее пиво,
В одежды, которые
Пишут шедевры и в космос летают.
А ещё — в беззащитные свойства фарфора...

Только в меня не влюбляйся, поэт!
Вдруг я не устою!
И придётся мне стать совлюблённой с тобой
В каплю шампуня, и синюю луну,
И даже —
В остывающую печь тонэ...

Львиный рык и курицын кокот

Добрый Перенов подарил мне
Львиный рык
И курицын кокот...
Весь день я ходила по городу,
И все говорили:
— Смотрите,
Вон женщина с рыжими волосами
Несёт в руках
Львиный рык
И курицын кокот.
И на мобильники фоткали.

Меня не пускали в магазины,
Говорили, что
С львиным рыком
И кокотом куриным
Они не обслуживают.

Только продавщица фруктов,
Заглядевшись на них,
Дала яблоко.

Устав от них,
Рыка и кокота,
Я решила
Их выпустить на свободу
И тихонько в воду опустила.
Так они и поплыли,
Между собой переговариваясь, —
Львиный рык
И курицын кокот..

Любовь и математика

Ты — сложная математическая задача.
Хочу решить тебя эмпирически.
Формулы подбираю.
Меняю местами слагаемые и множители —
Но в течение дня условия задачи меняются,
И ответ ускользает.
Ночью как никогда
Я близка к решению.
Но к утру ты превращаешься
В новую математическую задачу.

И я снова решаю тебя...

Попытка киносценария

В моём фильме идёт дождь.
Вода стекает по жёлобу крыши
Потемневшего от бессонницы
Старого дома
В большую деревянную бочку,
Там плавают головастики.

Молчаливый старик
(О нём все забыли)
И грустная девочка
(Она станет через много лет балериной)
Сидят на крыльце.

Она приходит к нему,
Потому что с ней не играют другие дети.
Они мало разговаривают,
Пьют чай с жёлтым мармеладом
И смотрят на озеро.
Девочка про себя называет его океаном:
Всё в мире пока несоразмерно ей.

Изредка дорогу перед крыльцом
Перебегает серая кошка
(Её никогда не задавит машина,
Она умрёт тихо во сне).

В фильме ничего не происходит.
Старик курит папиросы
И старается ни о чём не вспоминать.
А девочка сидит рядом
И шёпотом разговаривает с куклой.

В моём фильме преобладает синий цвет.
Платье девочки,
Старый вязаный свитер старика,
Чашки и перила крыльца,
Даже струи дождя —
Всё синего цвета.

Когда после дождя
Появляется солнце,
Но уже опускаются сумерки,
Старик отводит её домой.

Они идут по дороге
Навстречу закату,
Две тени —
Большая и маленькая —
Не решают приблизиться к ним.

Возвратившись домой,
Старик снова садится в кресло,
Рот принимает форму горизонтальной скобки.
Он не плачет.
Просто старается не вспоминать.

А в конце никогда не снятого фильма
Просто дорога и титры...

Девочка и поезда

Большие поезда не останавливаются
На маленьких станциях...

Август развода родителей
Гудит во мне гулом
Приближающегося поезда.
И нарастающим стаккато колёс...

Я с няней лето провожу
На маленькой станции,
Где дочь её флажками машет,
Встречая-провожая поезда.

Трудно в шесть лет сосчитать все вагоны.
То и дело сбиваюсь,
Ведь большие поезда не останавливаются
На маленьких станциях...

Я храбро по шпалам гуляю,
На рельсы монетки кладу,
А поезд их сплющивает.
Получаются большие и тонкие.
Не много развлечений на забытой станции.

Большие поезда не останавливаются
На маленьких станциях...

Две собаки, одна кошка,
Бабочки, и жуки, и птицы —
Бесстрашная фауна обитает
Вдоль линий железнодорожных.

И всех нас завораживают поезда,
Которые не останавливаются
На маленьких станциях...

С тех пор предпочитаю самолёты...

Год Дракона

Значит, весь год воевать
С многоголовым драконом.
Вести дневник побед и поражений...

Я — против насилия над драконами!
Драконы созданы не для того,
Чтобы им головы рубили.

Подружусь с ним.
Будем чай с вареньем вместе пить,
Говорить о неевклидовой геометрии.

А ещё — мечтать о светлом будущем
И верить, что больше ни одна голова
Не упадёт с драконьих плеч.

Без оглядки

Твои руки

Не разговаривай руками!
Я не знаю, куда мне смотреть:
В глаза твои,
Вечно нездешние,
Или на длинные руки твои,
Что невиданный танец танцуют.
А я зачарованно слежу
За их вечным движением...

Тебе никогда не стать дирижёром.
Даже законам музыки руки твои
Не подчиняются.
Но когда ты дремлешь,
Лишь кончики пальцев твоих
Подрагивают
В ритм
Убыстряющей
Своё движенье
Вселенной...

Дельфин

Ты любишь
Заплывать далеко-далеко.
Ты любишь
Становиться недоступным для всех.
Только мне
Подаёшь еле уловимые сигналы бедствия.
Тогда я
Становлюсь дельфином
И, забыв обо всём,
Плыву к тебе
И выношу тебя на берег.
И ты
Долго-долго смотришь на меня,
Точно запомнить хочешь,
Чтобы снова уплыть далеко-далеко...

* * *

В засушенном букете
Из фиолетовых и жёлтых
Всегда не хватает вкрапления белого.
Оттого и туман кисейный
Парашютом лазутчика
Накрывает мой город...

И город плывёт на восток,
И сны плывут на восток,
Только посуда в шкафах
Тихо звенит и подпрыгивает...

Фиолетовые и жёлтые
В засушенном букете
На секунду встрепенутся,
Чтобы вселить смуту
В кого-то из семи миллиардов...

Без оглядки

Писать о любви безоглядной
В сорок лет
Почему-то смешно.
Заботы о ближних
И хлебе насущном
Безоглядность съедают.

И оглядываешься, оглядываешься...

Но так хочется,
Чёрт возьми,
Написать о любви безоглядной
В сорок лет
Или даже её испытать!

Чтобы были цветы

Какое приятное занятие —
Отношения придумывать.
Взгляды и жесты.
Неожиданные ответы искать
На вопросы незаданные.

Представлять даже встречи
Где-нибудь в кафе
Или у памятника.
Чтобы были цветы...
Или необязательно.

Придумывать нежность и страсть.
Даже ревность и раздражение,
А потом — сожаление.

Какое грустное занятие —
Отношения придумывать...
Которых нет или не будет.

Одинокая сигарета

За третьим столиком справа
В кофейне на Лобачевского
На столе дымится сигарета,
Оставленная кем-то в пепельнице...

Куда спешил человек,
Что не дотушил её?
Почему не докурил?
Почему бросил всё на свете, —
А иногда сигарета и есть всё на свете, —
Чтобы оказаться в ином месте?

Я думаю, он не попал под машину
И успел добежать
До любви,
До рассвета,
До чуда...

Струйка дыма,
Не втянутая в лёгкие,
Тоскливо вьётся над столом...

Образ твой

Я сделаю пальцами громко,
Потом до семи досчитаю.
И смогу отогнать
Образ твой от себя.
И вернусь к дождям своим,
Лужам и солнцам.
Чтобы жизнь прожить долгую
И взволнованную
Присутствием твоим на земле...
А в одну из бессонных ночей
В баре, где салсу танцуют,
Я латте опять закажу,
И латте опять закажу,
И латте...

Не глупо

Сразу невесело становится,
Когда тебе не улыбается
Продавщица или парикмахер.
Хочу, чтоб мне радовались,
Как солнцу.
И даже, когда кровь берёт из пальца,
Пусть улыбается мне медсестра.
Не глупо об этом мечтать.

Я точно знаю,
Что рождена для счастья.

Нелепый город

Не спать!

Рыжеволосой бестией
Красться
Вдоль ночных кварталов Казани
После ночи распутной
И злой.
Вглядываться в лица водителей,
Проезжающих мимо.
На меня они смотрят с любопытством,
Зачем и откуда бредёт
Эта усталая женщина
В час, когда
Спят и птицы.

Неприлично спать на рассвете,
Точно суслики в норках.
Нужно рыжеволосой бестией
Красться
Вдоль ночных кварталов Казани.

Можно и нужно
Много чего делать
На рассвете.
Только не спать.
Только не спать.
Только не спать.

Казанские улицы

1

Я шла по улице Кирова...
Садик кировский пересекала,
Больницу ветеринарную стороной обходила.
С тоской открывала дверь музыкальной школы.
Получала свою четвёрку с минусом по специальности.
Ох и недобрая была временами Полина Семёновна —
Руки мои ей не нравились,
Видите ли, слишком кисти напряжены.
Слишком сильно смычок сжимаю.
Возвращаясь, радовалась жизни
И атлантам, что шар земной держат.

2

Я шла по улице Тукая...
Там школа была.
Она и сегодня стоит.
Сестра моя младшая в ней училась,
Без троек почти.
Болела часто,
Вот родители её и не ругали.
Я встречала её из школы.
Правда, нечасто.
По Тукая трамваи ходили,
На остановке мороженое продавали.
Я покупала четыре,
По два себе и сестре.
Шли домой и обсуждали прохожих.

Тогда-то она задала мне вопрос:
«Ты же красивая,
Почему же не все оборачиваются?»
Не помню,
Что я ответила.
Приятно было.
И тут я улыбнулась.
Удивительно,
Как в моём городе
Всё связано с Тукаем —
И детство,
И юность.
Когда-то будет и старость.

Турецкий дождь

1

Засмотрелась на турецкий дождь,
Засидевшись в кафе
С людьми незнакомыми,
Оттого симпатичными и близкими,
Глядя на египетский обелиск
И пробегающих мимо людей без зонтиков,
Глядя котёнка, непрерывно мяукающего
И ожидающего свою порцию мясного счастья,
Опоздать на самолёт
И... вернуться в кафе.
Снова всматриваться
В турецкий дождь
В ожидании следующего рейса...

2

Здесь мало собак,
А кошки льстивы и требовательны.
Здесь не торопятся жить —
Время тает, как пахлава во рту.
И по мобильному,
Как назло,
А может, так надо,
Не дозвониться в Россию.
...Ощущаю себя камушком
У подножия горы.
И судьба моя,
И долги перед близкими эфемерны.

Ненадёжна и легка
Жизнь в Стамбуле...

3

Пишу на салфетках,
Сидя в кофейне
У башни Султанахмета.
Нет бумаги иной.
Кто знал,
Что в Стамбуле захочется
Испещрить кириллицей
Турецкую бумагу.
К чему это?
Турецкому циклу?
Турецкому короткому счастью моему?

4

Знаю девять ступенек Стамбула,
Последняя из которых ведёт
К полюбившейся скамейке,
Возможно, заветной.
Сидя на ней вечерами,
Всматриваюсь в Босфор...
Что надеюсь увидеть там?
Смотрю на полную луну,
На припозднившихся прохожих.
И начинаю понимать —
Девять ступенек Стамбула
Привели меня не к скамейке —
Просто мне в руки попала новая книга
Об иноземной жизни.

Нелепый город

В стеклянном городе
Ночи хрупкие.
И прохожие редки.

Здесь эха нет. А люди ищут
Своё единственное отражение.

Кошкой-позёмкой крадусь
Вдоль улиц пустынных...
Но даже в берегах многоэтажных
Не водится моё отражение.

И заметила я,
Если долго смотреть на луну,
Заметить можно
Единственно верное отражение...

Грустные сказки

Там будет татарский орнамент,
Холодное небо Стокгольма,
Винтовая лестница, ведущая на третий этаж
Четырёхэтажного дома,
И это обязательно!
Джонни, плавающий три часа в день в бассейне,
Томик цветной со стихами Артюра Рембо,
На краю стола справа лежащий,
А стол сам обтянут коричневой кожей,
Много снега и много любви,
И грустные сказки Линдгрэн...

В этой книге не будет
Причины истерик моих
И слишком весёлой бессонницы,
Взглядов мимо меня
И слишком скучной рассудительности.

В этой книге не будет меня...

Время и пространство

Когда последовательно
Отдаются в ремонт
Машина и мобильный,
Перестаёшь спешить.
Появляется время посидеть
У Чёрного озера
И у Лобачевского — мимо них
Пролегает путь мой
С работы домой.

Надрывает лёгкие Пиаф —
Рядом салон звукозаписи...
Группа иностранных студентов
Остановилась возле меня,
Один из них спросил,
Как пройти к библиотеке Лобачевского.
С непонятной радостью для себя
Подробно объяснила.

Всё рядом в Казани.
Всё пересекается.
...Завтра снова
Кто-то спросит меня,
Как пройти
К чему-нибудь славному...

Люди
февраля

Левое

Левая бровь удивляется выше, чем правая.
Кожа на левом локте грубее...
На левую руку люблю
Водружать подбородок свой,
Когда долго на что-то смотрю
Или слушаю сосредоточенно...

Левой глажу собак и рисую.
Слева — четырёхкамерное.
И лёгкое слева,
В него, как и в правое, впрочем,
Дым сигаретный
Без устали втягиваю.

Слева — всё, что мне нужно для жизни.
Быть хочу левой своей половиной!

Справа ложись от меня, мой любимый!
И я прошепчу нежно-нежно на ушко
Слова свои правые...
Самые правые...

Люди февраля

А. Н.

1

Люди февраля
Раздумчивы, нежны
И подвержены меланхолии.
Они покупают ирисы
И сушат их
Между страницами
Толстого журнала.
Их легко узнать в любой кофейне:
Они одеты в синее и лиловое
И выбирают столики в углу.
Они в душе слоны и белки.
Иногда веселье в их февральских душах
Соседствует с усталостью.
Они покупают билеты
В один конец...
Их первая остановка — апрель...

2

Когда случается Большая неделя,
Превращаюсь в туристку
В своей ежедневной стране.
Не понимаю, о чём говорят,
Чему радуются-огорчаются
Близкие и дальние.
Не то чтобы становится всё
Голубым и зелёным,

Но оттенки их
Явно преобладают,
Внося дисгармонию
В безукоризненно зимний пейзаж.
Неевклидова геометрия
Объясняет многое,
Когда случается
Большая неделя...

3

Куришь неловко,
И дым сигаретный
В глаза попадёт тебе.

Смешно щуришься...

Что же, придётся мне
Дым отгонять от тебя...
Как и прочие неприятности.

4

Ты слушаешь всю меня!
Ты слышишь меня всю!
Вбираешь в себя сотнями ушей
Моё гудение...
Неотрывно следишь
За расширением-сужением
Моих зрачков...
Реагируешь на любой шорох
Моего тела...

С точностью Рикардо Заморы
Ловишь каждый мой вдох-выдох...
Говоришь, татуировку сделаешь
С именем моим?..

5

В час между собакой и волком,
Который лилов априори,
Как и дым моих сигарет Vogue Lilas,
Внимательно вдыхаю
Запах твоего вишнёвого табака,
Надеясь уловить в нём
Ответ на вопрос свой:
Она ли это?

6

Встречу назначаешь
У Маяковского...

Даришь букет
Из двух морковок...
Эспрессо-латте-беседу ведём.
Неожиданно понимаю —
Проходит пора разговоров
Комнатной температуры...
Скоро сила тяжести
Покинет наши души...

Будущее оказалось ближе,
Чем я думала...

7

У тебя убегающие к вискам глаза...
У меня рыжая чёлка...
У тебя очки. У меня линзы.
Тебя никогда не дразнили очкариком.
А меня до слёз доводили дразнюю...
И так далее... И так далее...

А дело происходит в декабре.
И мы сидим в кофейне на Садовой.
Но впереди — февраль...

Сказка

Перенимаем друг друга
Манеру молчать
И манеру курить,
Жесты, привычки, слова.
Ты узнал от меня
Татарское слово экият,
А я от тебя —
Несколько сочных
Смешных ругательств
Из тех, что в стихе не напишешь.
Но когда рядом нет никого,
Я пробую их на язык
И смеюсь,
Точно безнаказанно
Дерзкое ограбление совершаю...

* * *

Хочется улететь с тобой в Белград.
Там вежливые водители
И вкусное мороженое.

Какой-нибудь сербский поэт
Угостит нас
Национальным супом
И повезёт смотреть
Национальные развалины.

А мы украдкой от него
Будем целоваться,
Забыв о развалинах, Белграде
И даже о сербском поэте.

Снегопаденье

В контексте мартовского снегопада
Недостоверными становятся
Слова и города...

Неверно дребезжание трамваев,
Сворачивающих с Пушкина
В норштейновский туман...

И как не ощутить родства
С холодным воздухом,
Он в лёгких вязнет
И не даёт дышать...

В эфире стынет
Протяжно-сложная
Песнь муэдзина...

Порой невыносимо,
Но светло
Снегопаденье в марте...

Любовь и земледелие

Я буду называть тебя
Наглым и самоуверенным,
Говорить, что от тебя пахнет луком.
Ты будешь смущаться,
А я — любоваться твоим смущением...
Мы будем есть груши и помидоры,
Искать то сахар, то соль,
Поднимать вечно падающие со стола предметы.
Замершие в ожидании ночи
Цветы в вазе будут прислушиваться
И недоумевать:
Когда эти двое займутся земледелием...

Миру мы

Для гармонии миру
Не хватало тебя и меня..
Моих сомнений
И твоей жаркой уверенности в нас,
В наши любовные планы.

Мир задыхался без наших встреч,
Разговоров, обид, объятий,
Без объятий, обид, разговоров...

Миру не всё равно!
Мы нужны миру — я и ты!
Что бы плохого о нём ни говорили...

Непредсказание

Хочешь, скажу,
Что будет со мной и с нами
Лет через десять?

В июлях и в августях
Мы будем омыwać свои ноги в Каме,
А зимой, в жгучий мороз,
Отогреваться в кофейнях,
Преимущественно в тех,
Что возле метро «Маяковская»...

Мы не перестанем курить
И смотреть вдвоём
Сентиментальные фильмы...

Очевидно, что и кофе
Не перестанет убегать,
Потому что будем отвлекаться
Друг на друга...

Твои-мои дети повырастают,
И мы станем чаще смотреть
Друг другу в глаза...

Содержание

Канафер

Татарская сирень	7
Не бить!	8
Правда и ложь	9
Подруга	10
Сююмбике	11
Плач ребёнка	12
Настроение	13
«Стала чаще наступать...»	14

Попытка киносценария

Поэт	17
Львиный рык и курицын кокот	18
Любовь и математика	19
Попытка киносценария	20
Девочка и поезда	22
Год Дракона	24

Без оглядки

Твои руки	27
Дельфин	28
«В засушенном букете...»	29
Без оглядки	30
Чтобы были цветы	31
Одинокая сигарета	32
Образ твой	33
Не глупо	34

Нелепый город

Не спать!	37
Казанские улицы	38
Турецкий дождь	40
Нелепый город	42
Грустные сказки	43
Время и пространство	44

Люди февраля

Левое	47
Люди февраля	48
Сказка	52
«Хочется улететь с тобой в Белград...»	53
Снегопадение	54
Любовь и земледелие	55
Миру мы	56
Непредсказание	57

Лиля Газизова. Люди февраля

составитель:

А. Новиков

редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 24.01.2013.

Формат издания 60×90 1/16. Усл. печ. л. 3,75.

Тираж 400 экз.

Лиля Газизова родилась и живёт в Казани. Окончила Казанский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького, училась в аспирантуре Института мировой литературы РАН. Стихи и проза публиковались в журналах «Знамя», «Арион», «Дружба народов», «Октябрь», «Юность», «Современная поэзия», «Крещатик», «Дети Ра», в «Литературной газете». Первая книга «Чёрный жемчуг» вышла в 1995 году с предисловием А. И. Цветаевой. Стихи переводились на английский, немецкий, польский, румынский, турецкий, армянский, латышский языки. Лауреат нескольких литературных премий.